

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«ТЮМЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК
кафедра истории и мировой политики

РЕКОМЕНДОВАНО К ЗАЩИТЕ В ГЭК

И.о. заведующего кафедрой

канд. ист. наук

Г.Р. Суфиянова

2022 г.

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА
магистерская диссертация

**ФОРМЫ УРБАНИЗАЦИИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ И ЮЖНОЙ СИБИРИ
В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ: КОРПУС ИСТОЧНИКОВ
И СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ**

46.04.01 История

Магистерская программа: Историческая урбанистика

Выполнила работу
студентка 2 курса
очной формы обучения

Вершинина Елена Александровна

Руководитель работы
канд. ист. наук

Кулешов Вячеслав Сергеевич

Рецензент
канд. ист. наук
старший научный сотрудник
Институт истории
материальной культуры
Российской академии наук

Смирнов Николай Юрьевич

Тюмень
2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. КОРПУС ИСТОЧНИКОВ	
1.1. Представления о городах Центральной Азии и Южной Сибири в средневековых источниках	6
1.1.1. Сведения арабских путешественников	9
1.1.2. Сведения европейских путешественников	11
1.1.3. Сведения из китайских источников	11
1.1.4. Сведения русских путешественников	12
1.2. Археологические данные	15
1.3. Тюркские рунические памятники	22
1.4. Отражение городской культуры в памяти автохтонного населения Южной Сибири	23
ГЛАВА 2. СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ УРБАНИЗАЦИИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ И ЮЖНОЙ СИБИРИ	
2.0. Вводные замечания	27
2.1. Концепция Л.Р. Кызласова	32
2.2. Особенности развития градостроительства в условиях седентаризации: города Золотой Орды XIII-XIV вв. в концепция В.Л. Егорова	34
2.3. Исследования Н.Н. Крадина по средневековым урбанистическим структурам Дальнего Востока	37
2.4. Города в кочевых государствах: концепция Е.И. Кычанова	40
ЗАКЛЮЧЕНИЕ. Характерные особенности урбанизации Южной Сибири и севера Центральной Азии	42
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	47
ПРИЛОЖЕНИЕ	54

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность. Средневековая урбанизация это одна из тем, которая неоднократно привлекает внимание ученых из различных социально-гуманитарных областей. Однако, зачастую под средневековой урбанизацией учитывается исключительно европейская, в то время как эта тема гораздо шире и многограннее. Города возникали и исчезали, развивались и приходили в запустение по всей территории Евразии.

Городская культура севера Центральной Азии и Южной Сибири изучена не в полной мере, вследствие различного рода причин, но тем не менее по имеющимся источникам и историографическому материалу возможно отследить общие тенденции развития и особенности урбанизации этого региона.

Научная новизна заключается в классификации материала из различных источников и историографии по истории развития градостроительства на территории севера Центральной Азии и Южной Сибири

Источниковая база, которая была задействована в нашей работе, представляет собой письменные, археологические, фольклорные источники, а также «рунические» памятники» письменности. Среди письменных источников задействованы труды арабских, персидских, китайских, европейских и русских ученых и путешественников.

Археологические источники, рассматриваемые в данной работе, содержат сведения о раскопках средневековых городищ и мавзолеев на территориях современного Казахстана, Тувы, Хакасии, Монголии, Китая и России.

Фольклорные данные также содержат не менее ценные сведения о представлениях средневекового социума. В частности, был произведен анализ героического эпоса шорцев, хакасов, и других народов, населявших территорию Южной Сибири

Историография. Подход к выбору историографии для данной темы был

неслучаен. Одной из ключевых фигур по изучению данного вопроса является Л.Р. Кызласов, труды которого были максимально задействованы во время работы. Также, следует выделить историко-географический подход В.Л. Егорова, дальневосточные исследования Н.Н. Крадина и подход к изучению кочевых государств Е.И. Кычанова.

Целью исследования является выявление форм урбанизации Сибири и Центральной Азии, их особенности, отличия и сходства с городской средневековой культурой народов, проживавших на других территориях.

Задачи исследования:

1. Изучить урбанизационные особенности, инфраструктуру городов на основе письменных и археологических источников;
2. Рассмотреть основные положения в историографии по исследуемой теме, в особенности ключевые труды исследователей в данной области;
3. Сделать выводы на основе изученных данных.

Объектами исследования являются сведения об особенностях урбанизации севера Центральной Азии и Южной Сибири

Предметом выступают формы урбанизации на территориях кочевых государств.

Хронологические рамки исследования охватывают период с VI века н.э. до XVII века н.э.

Географические рамки отражают территории с Дальнего Востока до Каспийского моря

Методология. Для проведения работы по данной теме были задействованы следующие методы:

— сравнительно-типологический метод — для систематизации археологических источников;

— исторический метод — для сравнительной характеристики урбанизационных форм в рассматриваемые периоды на интересующих нас территориях;

— метод медленного чтения – для более полного погружения и понимания сложных текстов.

Структура работы состоит из введения, двух глав, заключения, списка источников и литературы и приложения. Во введении обосновывается актуальность исследования, ставятся цели и задачи, дается характеристика историографических и источниковедческих частях исследования. Первая глава посвящена обзору рассматриваемых в рамках исследования источников. Во второй главе проводится обзор историографии выдающихся специалистов по данной теме.

ГЛАВА 1. КОРПУС ИСТОЧНИКОВ

1.1. Представления о городах Центральной Азии и Южной Сибири в средневековых источниках

Городская цивилизация на территории Сибири до присоединения к Российскому государству – тема, окутанная завесой таинственности, вокруг которой много споров и домыслов. Однако, на сегодняшний момент существует достаточно много доказательств, свидетельствующих о самобытной городской цивилизации как в Сибири, так и в Центральной Азии. Города и крепости, которые ничуть не уступали в своем устройстве своим соседям на Юге и Западе. Дворцы и железные ворота, впечатления от которых остались в памяти многих путешественников. «Рунические» и археологические памятники, которые нам могут многое сказать о мировосприятии и реалиях городской культуры кочевых народов.

Интерес к этим территориям можно отнести еще к античным временам, когда древнегреческие мифы ссылаются на некую «страну блаженства» расположенную далеко на севере [Алексеев], определяя там же некие «идеальные» города. Опираясь на античную философию, тех же идей начнут придерживаться и средневековые мыслители Востока и Запада.

В XII веке исландский ученый Снорри Стурлусон пишет о разделении мира на три части: Африку, Европу и Азию, где последняя представляется для него «серединой земли» вблизи которой был построен «град, снискавший величайшую славу» [Младшая Эдда]. Интерес к центру Азии как к «середине земли» останется и в последующие века.

В средние века в Азии была распространена концепция четырех «царств мира». Создание могущественных государств таких как Китай, Тан, царства индийских владетелей с центром в городе Канауджа, а также объединение тюрков от Тихого океана до Черного моря – все это послужило основой для идеи «четырех мировых монархий». Поклонники данной идеи среди

мусульманских авторов сравнивают царства с четырьмя сторонами света: на Юге империя царя слонов» (индия), на западе царя драгоценностей (Иран и Византия) на Севере царя коней (тюркские каганаты) на Востоке «царя людей» (Китай).

Известно, что граница Центральной Азии не имеет точных координат и в наше время, поэтому многие исследователи трактуют географические границы данной области по-своему. Взаимосвязь исторических, экономических, культурных особенностей и особенностей жителей конкретного региона - определяет термин «историко-культурное пространство». В данном случае мы рассматриваем «историко-культурное пространство» Центральной Азии. Историк Л. А. Мирошников излагал, свою точку зрения по поводу проблемы определения границ Центральной Азии (Мирошников, 1987, с. 54–58), но мы не будем углубляться в только в его изыскания чтобы рассмотреть подробнее разные точки зрения на понятие «Центральная Азия» в целом. Мы будем руководствоваться исследованиями географов, таких как: А.Гумбольдт, Ф.Рихтгофен, Н.Ханыков, И. Мушкетов. Прежде всего нас интересуют такие «ключевые» понятия как: «большая» и «малая» Центральная Азия, также известная как «Внутренняя Азия». Говоря о культуре конкретных этносов, населявших Центральную Азию, исследователи также разделяются во мнениях. Уровень развития племен оценивается по-разному. Но, выделяя общее в работах разных исследователей, отметим, что в эпоху бронзы и раннего железа племена Центральной Азии являются сложной общественной организацией.

Например, археологические памятники в Центральной Азии и всей Степной Евразии того периода свидетельствуют о сложном имущественном и социальном устройстве проживающих там народов. Богатые Курганы свидетельствуют о наличии социального слоя аристократии, управляющей населением степей на Южном Урале, казахских степях, в северном Причерноморье. Долгие социальные и политические преобразования внутри кочевых социумов привели к формированию политической системы и

комплексной экономики.

В итоге, можно сказать, что таким образом кочевники приобрели оседлый образ жизни, результатом чего стало появление первой империи Центральной Азии - империи хунну. Политическое устройство всех дальнейших государственных образований Центральной Азии были подобным этому. Очевидно, что именно особенности внутреннего развития кочевых обществ вынуждали их становиться на путь создания сети оседлых поселений. Стихийность, либо системность этого процесса не ясна до конца.

Большое внимание стоит уделить развитию торговли на Великом Шелковом пути. В VI-VII веках путь, проходивший из Китая на Запад через Семиречье и Южный Казахстан, приобретает ключевое значение. Причина смены пути кроется, главным образом, в том, что в Семиречье находились ставки тюркских каганов, контролировавших торговые пути через Среднюю Азию. Не менее важной причиной преобладания пути через Фергану в VII веке, стала междоусобица в том районе. И даже более того, богатые тюркские каганы стали крупными потребителями перевозимых товаров. Постепенно основная масса посольских и торговых караванов в VII-XIV веках стала проходить именно по пути из Китая на Запад через Семиречье и Южный Казахстан.

Шелковый путь из Китая, не был статичен по своей структуре. Некоторые ответвления пути - то процветали, то увядали, приводя в упадок построенные рядом города и торговые станции.

Например, в VI-VIII веках основной была трасса Сирия-Иран-Средняя-Азия-Южный Казахстан-Таласская долина-Иссык-Кульская котловина-Восточный Туркестан.

Еще один важный маршрут выходил на вышеназванную трассу из Византии через Дербент в Прикаспийские степи-Мангышлак-Приаралье-Южный Казахстан. Он шел в обход Сасанидского Ирана. И тогда в противовес ему был заключен союз между Западно Тюркским каганатом и Византией. Маршрут пришел в упадок, однако, позднее в IX-XII веках этот маршрут

использовался с меньшей интенсивностью, чем через Среднюю Азию, Средний и Ближний Восток, Малую Азию в Сирию, Египет и Византию. Но в XIII-XIV он вновь возобновился, до сих не ясна причина, однако очевидно, что выбор маршрутов выбирался исходя из той или иной политической ситуации на континенте.

1.1.1. Сведения арабских путешественников

Примерно в конце VIII или начале IX века путешественник Тамим ибн Бахр ал-Муттаваи совершил путешествие по Уйгурскому каганату из города Тараз до столичного города Орду-Балык. Тамим ибн Бахр отмечает, что город имел достаточно большие размеры, укрепления и 12 железных ворот [Minorsky Tamim ibn Bahr]. Важно и сообщение о развалинах некоего древнего города, которые путешественник заметил вблизи озера Зайсан. За время своего пути путешественник сменял по три смены лошадей за сутки, не встречая при этом большую часть пути никаких населенных пунктов, лишь обслуживающий персонал дорог, что может прямо свидетельствовать о развитой ямской повинности задолго до монголов. Тамим ибн Бахр в XVIII или IX веке [Тамим ибн Бахр], описывает по всей видимости столичный город уйгуров Орду-Балык «город большой, укрепленный, а вокруг него хорошо возделываемая земля и деревни». Также он описывает много базаров и товаров, и особое внимание обращает на шатер (дворец) царя, на котором, по его мнению, может поместиться 100 человек. Большой акцент автор также делает на развитость дорог и их обслуживания, с системой почтовых станций и сменяемостью лошадей.

В XII веке Низами Гянджеви в поэме «Искендэр-Намэ» опишет райскую благословенную страну «Хирхиз», расположенную в верховьях Енисея и город «подобие рая». Только там главный герой поэмы познает истину праведной жизни, которая заключалась в особом устройстве социальной жизни и общественной этики.

Одним из самых ценных ресурсов по письменным источникам можно по праву считать записки арабских и персидских путешественников.

Начнем с арабского географа Ибн Хордадбех [Ибн Хордадбех] (IX в.), который в своей «Книге путей и стран» упоминает о крепостях с железными стенами необычайной конструкции, с воротами, которые запирали проход через ущелье. В своей книги он приводит знаменитый рассказ путешественника Салама, который затем в различных интерпретациях подхватывают другие арабские ученые – Ибн-Русте, ал-Идриси, Ибн ал-Варди и другие.

Рашид ад-Дин [Рашид ад-Дин] в верхних и срединных порогах Енисея находится «много городов и селений», а самый северный город в верховье Енисея – Кикас. У этого же автора упоминаются меркитские крепости Караун-Капчал и Дайкал-Курган в долине реки Селенги. Весьма любопытным звучат сведения о том, что хан Угедей отправлял эмиров и царевичей в местность Дашт-и-Кыпчак и наказал везде ставить высокие здания «какие строят в городах, и кушки».

В анонимном персидском сочинении X в. Худуд ал-алам [Худуд ал-алам] говорится о неких границах «городов тогузгузов и хырхызов», и о том, что «в каждой области много городов», что там «находится город, который называют Кемиджкет («Енисейский город»), там живет Хырхыз-хакан». О городе Пенчуль в пределах расселения карлуков сказано, что «им владеют хырхызы». Ал-Макдиси (X в.) разделял тюркоязычные народы на кочевых и оседлых. К оседлым он относил «племя хирхиз», т. к. «у них имеются посеы и деревья» (очевидно имеются в виду культурные плодовые деревья). Махмуд Кашгарский (XI в.) сообщает: «Я несколько лет объезжал города, зимовья и летовки тюрков, туркмен, огузов, чигилей, ягмо и киргизов...».

Располагая обширным количеством арабских и персидских источников о средневековых городах Южной Сибири пишет хан Абул-Гази – знаменитый историк XVII века. Он упоминает о двух городах Камкамчут «между двух больших рек, Селенги и Икран-мурана», а также о двух городах Апручир на

границах киргизского государства.

1.1.2. Сведения европейских путешественников

Описывая города, разрушенные монгольскими завоевателями в Средней Азии и в других землях Плато Карпини вместе с тем трижды пишет что каан Угедэй построил некий город который назвал Омыл. Очевидно, что он стоял на реке Эмель современной Джунгарии Этот же каан строил и укреплял столичный город Каракорум.

Гильом Рубрук и Марко Поло когда описывают свое передвижение по землям Западной Сибири и Монголии делают акцент на отлаженной ямской езде, вплоть до использования ездовых собак на севере.

Особую важность среди сведений о Сибири представляет карта 1367 года составленная итальянскими купцами Франциско и Доменико Пицигани на ней изображена вся территория Золотой Орды от западных рубежей до восточных окраин включая Хорезм Урал и Сибирь, где отображено около 40 золотоордынских городов.

В многолетнем труде Николааса Витсена «Северная и Восточная Тартария» по русским источникам Витсен сообщает о развалинах городов на Иртыше («Аблайкита и Семи палат) а также других.

1.1.3. Сведения из китайских источников

В качестве примера из источников дальневосточных записей XIII, следует упомянуть записи дневника путешественника Чан Чуня и «Историю династии Юань» («Юань Ши»). В обоих источниках есть упоминание о «городе Чинхая» (Чжэньхай) построенном Чинхаем на Восточном Алтае, где жило много китайцев ремесленников, земледельцев и по всей видимости торговцев, о чем свидетельствуют упоминания о «хлебных магазинах».

В вышеупомянутой летописи «Юань Ши» говорится также о городах на

Енисее в XVIII веке – Кянь и Илань, столицах префектур Кяньчжоу и Иланьчжоу. Именно город Илань стал резиденцией наместника Хубиляя. В этом городе были созданы склады и зернохранилища, устроен почтовые станции и учреждены правления.

В хрониках Танской эпохи упоминаются построенные тюрками храмы (684 г.) и столичный город Хэйшачэн («Город Черных песков»), который по-тюркски, вероятно, назывался Каракум-балык (682 г.).

1.1.4. Сведения русских путешественников

В XVII веке русская власть знала о существовании остатков городов и селищ в Сибири, в связи с чем, был издан указ об их розыске и использовании во благо государства в Тюменском, Томском и других сибирских уездах.

В указателе географических названий из первого тома «Истории Сибири» Г.Ф. Миллера можно увидеть 88 названий сибирских городков, а во втором томе 25. Начав продвижение из Западной Сибири на Восток русские служивые были вполне уверены что встретят на пути города и городки местного населения и Восточной Сибири.

О кетах-кузнецах в районе Енисейска в Марковом городище и в целом об осёдлости шорского населения бассейнов Кондомы, Мрас-Су и верховьев Томи сообщают как летописи, так и донесения русских казаков, которые называют их «кузнецкими татарами» благодаря их славе известных металлургов. Н.М. Ядринцев [Ядринцев] называет осёдлыми «инородцев бийского и кузнецкого округов, также и сибирских татар, которые сохраняют древние постройки, избы с народами, чувалами, но уже не кочуют». «К осёдлому, но сибирскому уложению принадлежат все те, которые ведут осёдлый образ жизни, то есть живут в городах», — пишет о бухтарминских, кузнецких и бийских татарах С.С. Шашков [Шашков].

В документах относящихся к 1616 году – времени войны казаков в Южной Сибири, упоминаются взятые русскими кызыльских и бугасарских

городка кузнецких татар-абинцев и киргизов-хакасов. Одним из этих городов в предгорьях Горной Шории был городок абинцев (северных шорцев). На месте нынешнего старого города Кузнецка в XVI веке и в начале XVII века жили предки шорцев, которые называли себя абинцами. Здесь у них было небольшое укрепление Аба-Тура.

Существуют сведения и о центральном Белом городе у киргизов-хакасов на реке Белый Июс [Кызласов, Письменные известия], резиденции «больших киргизов» - столице Хакасии в XVII веке. Известны и каменный городок ниже Сыды-реки, Еник-городов в Кизыльской земле, крепость «Лозановы осады» по выходу Енисея из Саянских гор.

В «Наказной памяти томских воевод» 1611 г. перечислены несколько городков томских татар: Тоянов на острове реки Томи, Евагин, Ашкинеев при устье Томи и др. Городки назывались по имени правящих князьков так же как и у тюркоязычных чатов заселявших земли выше по Оби. Чаты в свое время союзники Кучума и вовсе жили все в городках не зная неукрепленных поселений. По данным Б.О. Долгих в XVII веке у чатов было четыре городка [Долгих, Родовой и племенной состав]. Центральными городами считались Чацкий и Мурзин городки⁷. Чацкий городок располагался при устье реки Чик, в районе современной Колывани. Это была могучая крепость, надежно защищавшая от калмыцких набегов подходы к Томску.

Продвигаясь дальше на Восток, царские воеводы добивались от служивых людей и казаков новых сведений о туземных городах. Так, например, в наказной памяти 1652 года якутский воевода требовал, чтобы казаки расспрашивали даурских людей о количестве городов и селищ и о точном их местонахождении.

По данным Б.О. Долгих в 1651 году Е.П. Хабаров открыл на Амуре даурские городки: Албазин, Атуев, Толгин, Кокуреев, Ачанских и еще четыре безымянных, а в дальнейшем еще больше.

Кроме того, от тунгусов служивые люди получали сведения о монгольских городах и о рубежном китайском городе на реке Селенге.

Много данных было получено и о лежащих в руинах городов из сведений сибирских канцелярий и отчетов. Так, посланник в Китай Н.Г. Спафарий проезжавший через Сибирь в 1675 году упоминает множество пустых городков на пути [Путешествие чрез Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 году]. Интересно упоминание опустевшего каменного города в Забайкалье у Далай-озера в который чужестранцы идти не смеют «а смотрят все издали». Также в его книге не упоминается о каком-либо экономическом значении южносибирских городов, что явно свидетельствует о смещении торгового центра к новым границам Русского государства.

Другой посол в Китай Избрант Идес [Идес Избрант А. Записки о русском посольстве в Китай (1692-1695)] в своем путешествии осматривает остатки древних крепостей с каменными стенами, где ранее жили «тунгусы» (эвенки). По сведениям от местных жителей сотни каменных отчасти развалившихся сооружений были построены военными много лет назад, когда монголы и южные татары объединились и напали на государство Нючжу (чжуржэней).

Целый ряд древних городов и остатков каменных монументальных сооружений помечены на чертежах и картах тобольским историком С.У. Ремезовым [Чертежная книга Сибири]. Следы древних городов и построек отмечены им на правом берегу Картала, правом притоке реки Тургая град пустой, в верховьях Енисея город каменной старый и пр. на «Чертеже земли всей безводной и малопроездной каменной степи» между рекой Абакан и Телецким озером им помечено «Царство Алатырско» и вблизи реки «Чюлушман» помечены очертания города. Скорее всего именно там находилась ставка князей Алтырского хакасского княжества.

Собственно научное изучение средневековых городищ начинается с конца XIX века. Стоит отметить научно задокументированные сведения о тувинских городищах на реках Ак-Суге и Манчуреке из экспедиций Д.А. Клеменца 1885 года. В 1891 году во время Орхонской экспедиции Клеменц откроет аналогичные городища на реках Чадан, Барлык, Чааты и на озере

Тере-Холь.

1.2. Археологические данные

Тува. В изучении тувинских средневековых городищ первые раскопки были проведены в 1956-1957 гг. Тувинской археологической экспедицией МГУ и ИИМК АН СССР, в ходе которых были определены городища двух хронологических этапов: 1) XVIII-IX вв. периода уйгурского каганата и 2) XII – начала XIII вв. каракитайского периода.

Итого в Туве изучены остатки семнадцати крепостей, окруженных по четырехугольнику глинобитными стенами, и двумя глинобитными бастионами. Крепости были расположены стратегически продуманно по дугообразной линии. Все они оказались соединены между собою длинной глинобитной стеной, отгороженной рвом с стороны севера. Это может свидетельствовать о мощной оборонительной системе от вражеского вторжения в Уйгурский каганат со стороны севера — из Хакасии, что показывает какую грозную силу представляло собой во второй половине VIII в. государство древних хакасов и какую опасность оно потенциально несло Уйгурскому каганату. Очевидно, что создание монументальных сооружений для обороны северной границы государства требовало бы огромных затрат и участия в строительстве значительного количества людей на протяжении не одного десятка лет.

Хакасия. В рамках рассмотрения исследуемой темы большую ценность составляют исследования Уйбатского городища (VII— XIII вв.), общая площадь которого, занимала около 50 га.

Рядовые здания города были деревянными, срубными или столбовыми, построенными также с применением сырцового кирпича. Более богатые здания крыты черепицей. Воду для питья возможно было брать из выкопанных во дворах колодцев. Для орошения садов и посевов воду к городу существовал магистральный канал, отведенный от г. Уйбат, по улицам протекали арыки.

Но наибольший интерес у археологов вызвали раскопки средневекового дворца IX-XII веков. Так сообщает о нем Л.А. Евтюхова: «... здание состояло из 20 комнат и одного большого зала. Комнаты были приблизительно одного размера» [Евтюхова]. А в статье «Раскопки средневекового замка в Хакасии» об этом дворце Л.Р. и И.Л. Кызласовы утверждают, что он вполне мог быть замком Ажо – верховного правителя древних хакасов, провозгласившего себя в IX веке каганом [Кызласов Л.Р., Кызласов И.Л.]. В дворцовом комплексе выделяется замок больших размеров, с сырцовыми стенами около 4 метров в высоту. Известно, что он активно использовался в VIII—X вв. и подвергался неоднократным перестройкам. С востока замок был укреплен четырьмя фланкирующими башнями. Интересно, что две из них прямоугольные, а две угловые и восьмигранные. Самобытная конструкция башен указывает на то, что древние хакасы (кыргызы) жили не только в избах, но и в различных многогранных юртообразных сооружениях, срубленных из дерева или же выполненных из глины и камня.

Также удалось открыть во втором ярусе северного зала круглое манихейское святилище IX—X вв. из сырцового кирпича с алебастровым квадратным алтарем посередине. К XI—XII вв. относится уже соседнее прямоугольное административное здание с залом, посередине которого по квадрату стояли 10 деревянных колонн на каменных базах.

Представляют собой большой интерес раскопки в Хакасии культовых комплексов в котловине Сорга и на Уйбате. Зафиксированные при раскопках надписи послужили своеобразными маркерами монастырей. При этом отсутствие в последнем регионе монументальных сооружений религиозного характера в эпоху средневековья объясняется наличием либо деревянных культовых сооружений, либо юрт, поскольку каменные храмы строились только в городах (Кызласов Л.Р., 2004, с. 127–128).

Монголия. Важный этап в изучении городских древностей Центральной Азии связан с работами советско-монгольской экспедиции, организованными А. П. Окладниковым. Монгольским археологом Сэр-Оджавом были

продолжены раскопки столицы монгольской империи Каракорума. Чешскими археологами раскапывались остатки поминального комплекса юльтегина, брата тюркского кагана Бильге. Эти раскопки дали большое количество разнообразных строительных материалов, использовавшихся древними тюрками. Обследование хунских городищ проводил Э. В. Шавкунов. Им были описаны городища хунну в центральном аймаке Монголии (Шавкунов, 1973, с. 506–507).

В 1986–1989 гг. С.В. Даниловым были раскопаны остатки здания близ с. Нарсатуй, отнесенные к периоду существования монгольского государства, о чем свидетельствуют материалы, полученные в процессе исследования здания (Данилов, 1992). В эти же годы было обнаружено средневековое поселение на р. Темник, открытое ранее Г. П. Сосновским. Предварительные раскопки, проведенные на нем, выявили присутствие среднеазиатской керамики. С 1986 г. С. В. Даниловым продолжаются раскопки на хуннском городище Баян Ундэр на р. Джиде. Здесь были вскрыты остатки наземных глинобитных жилищ с каркасно-столбовой конструкцией. Прослежена конструкция фортификационных сооружений, опоясывающих городище (Данилов, Жаворонкова, 1995; Данилов, 1998).

В результате исследований, проведенных несколькими поколениями ученых из разных стран, были выявлены и изучены остатки древних поселений, свидетельствовавших о существовании на территории Центральной Азии длительных периодов оседлости. Часть поселений, судя по остаткам монументальных сооружений, размерам застроенной площади, выполняла, по-видимому, функции городов. Однако об окончательном решении проблемы городской жизни в обществах центральноазиатских кочевников можно будет говорить после проведения широкомасштабных раскопок на памятниках и привлечения к их изучению ученых различных специальностей.

Каракорум (Хархорин). Создание великой Монгольской империи и начало военных походов потребовали переноса ставки хана из Восточной

Монголии на новое место. В 1220 г. было начато строительство столичного города в историческом центре Монголии — долине реки Орхон. Место для столицы было выбрано неслучайно. Судя по всему, на этой территории располагались центры предшествующих степных империй [Трепавлов 1987], и Чингисхан рассматривал себя в качестве их преемника [Allsen 1996] Однако реальное строительство столичного города Каракорума (монг. Хархорин) началось только в 1235 г., когда, согласно хронике «Юань ши» [Юань Ши], были воздвигнуты ханский дворец, городские стены и предпринято строительство других дворцов и жилищ представителей монгольской элиты [Бичурин]. Эти данные содержатся в «Сборнике» Рашид ад-Дина [Рашид ад-дин 1960], по которым дворец Угэдея с «высокими основаниями и колоннами» был возведен привезенными специально для этих целей из Китая ремесленниками и мастерами. Каждая из сторон дворца равнялась расстоянию в полет стрелы, т.е. примерно полтысячи шагов. Дворец получил звучное название «Ваньянгун» (монг. *tümen amuyulang*) — «дворец мира на десять тысяч лет».

Хирхиринское городище. Основанное в XIII в. укрепленное валами и рвами городское поселение на юге Забайкальского края, в Приаргунском районе может служить прекрасным примером археологического памятника. Жилые кварталы включали в себя около 100 обычных глинобитных домов, около 30 укрепленных усадеб и дворец хана из одного яруса. В юго-восточной части памятника, в 350 м от берега Хирхиры была ставка местного хана, окруженная валом с воротами и рвом. Внутри находился дворец, возведенный на искусственной платформе с пандусом. Дворец имел деревянные стены и четырехскатную крышу, крытую черепицей, отапливался при помощи канов. Пол выложен сырцовым кирпичом. В результате раскопок под руководством С.В. Киселева в 1957–1959 гг. исследованы дворец, жилища с канами, ворота. С.В. Киселев датировал памятник XIII веком [Киселев] и предположил, что дворец погиб в результате пожара.

Начиная с 1997 г. в течение ряда лет памятник исследовался А.Р.

Артемьевым [Артемьев 2005]. Им были раскопаны две усадьбы. В первой, восточной части города находилось два жилища с канами (одно с кирпичным полом). Во второй на западном краю памятника было найдено здание с 12 базами от колонн и каном. А.Р. Артемьев также получил радиоуглеродные даты по западной усадьбе (1330–1420), которые расширили время существования памятника.

В 2013–2014 гг. Н.Н. Крадиным проводились раскопки на другой усадьбе, расположенной в западной части города [Крадин]. В результате работ были вскрыты остатки здания колоннадного типа на насыпной платформе. Основой для поддержания крыши являлись каменные базы с деревянными колоннами, изготовленными из стволов лиственницы. Крыша, очевидно, была крыта соломой.

Неподалеку от Хирхиринаского городища, в 9 км к северо-востоку находится отдельно стоящая дворцовая усадьба Алестуй. Она представляет собой насыпную платформу размером примерно 17×28–32 м, вытянутую по линии север–юг. С южной стороны склон имеет пологий спуск — пандус. Вокруг платформы расположен невысокий вал (0,3 м) квадратной формы. В процессе раскопок в 2009–2011 гг. Н.Н. Крадиным были изучены северная и западная части усадьбы, а также прилегающая к ним северная часть двора.

В разных частях раскопа, в пластах были зафиксированы остатки кирпичных стен, 16 кирпичей и около 3 тысяч кирпичных фрагментов разной величины, черепица, каменные базы от столбовых конструкций, обломки различных железных и бронзовых изделий.

Считается, что Хирхиринаское городище было ставкой Есунке (Исунке, Есунгу) - сына родного брата Чигисхана Хасара. Основанием для этого является древнейшая надпись на старомонгольском языке (1224-1225 гг.) на найденной неподалеку знаменитой каменной стеле («Чингисов камень»), которая сейчас хранится в Эрмитаже.

Город Хасара (Хэйшаньтоу). По всей видимости, прямое отношение к Хирхиринаскому городищу имел так называемый город Хасара — городище

Хэйшаньтоу во Внутренней Монголии. Расстояние между данными памятниками всего 87 км. Городище Хэйшаньтоу находится примерно в 11 км от государственной границы России и Китая и в 10 км к северу от одноименного города. Городище располагается на территории муниципального образования Эргун. Есть предположение, данное городище было резиденцией Хасара. По форме оно ближе к квадратному, ориентировано по сторонам света, окружено валом и рвом.

На городище имеется четверо ворот, встроенных по центру каждой из стен. Имеются фронтальные и угловые башни. На городище имеется и так называемый внутренний город прямоугольной формы и еще одно внутреннее укрепление более округлой формы.

Все рассмотренные материалы по монгольским городам, расположенным на территории Центральной Азии, показывают, что в XIII в. на этих территориях сформировалась собственная городская культура, отличная от существовавших в других частях империи. Ее расцвет пришелся на время правления трех великих ханов: Угэдэя, Гуюка и Мунхэ [Егоров], т. е. на 1228–1259 гг. После переноса столицы Хубилаем в Китай и образования империи Юань городская жизнь на территории Монголии, хотя и не исчезает, но уже не испытывает того подъема, как в начальный период истории монгольской империи.

Внутренняя Монголия. Основной массив археологических данных по этой территории приходится именно на городища киданей и преимущественно в эпоху владычества империи Ляо (X-XII вв.).

Городища киданей часто расположены на пологих возвышениях в степи (Ганганмяо, Байтазцы, Шитоуфанцзычен, Тученцзы и тд.). В основном валы городищ образуют форму прямоугольника или квадрата на плане, но есть случаи и формы двух смежных прямоугольников, где один из них является городом внутренним, а второй городов внешним (Линьхуанфу – Верхняя столица, Шуанчэнцзы) [Крадин, Города Средневековых империй]. Многие киданьские городища ориентированы своими валами по сторонам света, а по

оси планировки на север и юг. По мнению Нэнси Стейнхардт [Steinhardt 1990] такая планировка и ориентирование характерны для подавляющего большинства древних и средневековых городов Восточной Азии, уходящая корнями в китайскую практику ориентирования лицом на юг. Однако ранние киданьские города X века, (Верхняя столица, Цзучжоу, Хуайчжоу – оказались ориентированы осью северо-запад – юго-восток, что соответствует уже непосредственно киданьскому обычаю уважения восточного направления. Однако, интересно то, что по линии восток-запад были ориентированы некоторые цитадели и крепости уйгурского каганата.

Схожей чертой в фортификации уйгуров и киданей оказалось возведение валов ханту (кит.) – когда земля насыпается слоями с последующей трамбовкой. Так водвигались стены в столице уйгуров Чинтолгой-Балгасе и на городищах киданей вроде Чинтолгой-Балгаса и Хэрмэн-дэнж. Однако, вполне вероятно, что подобная технология пришла в обе культуры из Китая [Крадин, Никитин 2003].

Рассмотрим археологические особенности киданьских городов на примере археологических данных Верхней столицы. Археологическим отрядом Внутренней Монголии в 1962 году было осуществлено обследование Верхней столицы (Линьхуанфу) с разведочным бурением. Так называемая Верхняя столица находилась между отрогами Хингана и рекой Шара-Мурэн (район современного города Линьдун).

Сам город состоял из двух частей (прямоугольной формы), разделенных рекой: Царский город и Китайский город. Западные ворота Царского города представляли собой собственно ворота в городской стене и защитный вал (вэнчэн) в форме лошадиного копыта перед ними.

Близ Западной стены были найдены остатки шестиугольных пагод, которые занимали часть усадьбы остатков крупного буддийского монастыря.

На юге Царского города были найдены остатки городской улицы вместе с примыкающими к ней зданиями (всего около 30 строений).

В ходе раскопок удалось также установить, что Дворцовый город

образовывал фигуру приблизительно прямоугольной формы и находился в срединной части Царского города, с отклонением на восток. Во время эпохи империи Ляо он был обнесен стенами, которые впоследствии были разрушены. Западные ворота Дворцового города соединялись с западными воротами Царского города прямой улицей.

Киргизия. Ак-Бешим (Суяб, Су-е). Благодаря стараниям Чуйского отряда Киргизской комплексной археолого-этнографической экспедиции АН СССР в период с 1953-54 года, были произведены раскопки городища Ак-Бешим. Вероятно, город находился в активной фазе своего существования с V по X вв, после чего жизни внутри стен и за ними замерла по неизвестной причине. Археологические материалы позволяют утверждать, что данный город по всей видимости являлся крупным торговым, земледельческим, ремесленным, а также культурным центром Чуйской долины. Этот город стоял на Великом Шелковом пути и, несомненно, являлся его важным пунктом связующим пунктом с Центральной Азией и Туркестаном. Л.Р. Кызласовым был исследован манихейский погребальный комплекс на городище Ак-Бешим, который рассматривается им как столица Западнотюркского каганата Суяб. В пределах данного памятника были выявлены буддийские, христианский (несторианский) храмовые комплексы, зороастрийский некрополь. Полученные данные свидетельствуют как о распространении мировых религий в Средней Азии, так и об определенной веротерпимости среди средневекового населения города [Кызласов Л.Р. 2006, с. 219–346].

В 5 км. от Ак-Бешима было найдено еще одно городище – Бурагинское, названное по сохранившемуся караханидскому кирпичному минарету.

1.3. Тюркские рунические памятники

Большое достижение социально-экономического развития общества древних хакасов, населявших территорию Южной Сибири – употребление собственной енисейской письменности, зародившейся в VII веке. Ввиду того,

что первые памятники этой письменности были найдены в начале XVIII века на Енисее, письменность и была названа енисейской. Памятники этой письменности обнаружены в большом количестве на территориях Хакасско-Минусинской котловины, на Алатае, в Туве, в Восточном Казахстане, в северной и западной Монголии – на тех землях, которые в IX-XII вв. входили в состав древнехакасского государства [Кызласов Л.Р., Очерки по истории].

Написанные руническим письмом древнетюркские памятники (VI-X вв.) на Орхоне (эпитафии Кюль-тегина, Бильге-каггна и Тоньюкука) примечательны тем, что в некоторых из них встречаются следующие собственно тюркские термины «балык» – город, «балыкдакы» - горожанин и «барк» — здание. Это может свидетельствовать о формирующемся или уже сформированном городском сознании древних тюрков.

Еще в 750 г. уйгурский каган Моюн-чур (Боян-чур), как сказано в тексте его собственного памятника, в завоеванной им земле чиков (на территории современной Тувы) «распорядился устроить ... беловатый лагерь и дворец с престолом ... построить крепостные стены...».

Наличие письменности в государстве древних хакасов позволяет предполагать, что у них была своя литература, книги и несомненно устное народное творчество, однако сведений об этом практически не осталось. А благодаря специальному литературоведческому анализу древнехакасских эпитафий, было показано, что, у народов, населявших это государство, существовала многолетняя поэтическая традиция.

1.4. Отражение городской культуры в памяти автохтонного населения Южной Сибири

Известный тюрколог и этнограф, профессор Казанского университета Н. Ф. Катанов, находясь в 1896 г. в научной командировке на левом берегу р. Абакана, записал текст, свидетельствующий, что, по представлениям местных хакасов, до них в долине Абакана обитал неведомый парод чудь. В тексте,

между прочим, сказано: «В здешней стране, кажется, был город чудского народа» («Чуут чоннын коорады полган»). Таким образом, в хакасском народе в конце XIX в. еще была некоторая память о бывшем в их земле древнем городе. Конечно, его уже начали считали «чудским», вполне возможно, что под влиянием русских соседей. Аналогичные упоминания о городах встречаются в фольклоре и других коренных народов Сибири, которые имеют в своем языке самобытные термины для обозначения понятия «город». Например, у соседнего с хакасами народа кетов еще в XVIII в. было зафиксировано использование термина «город», варьирувавшегося по их локальным говорам и диалектам, однако одинаковый по значению «коледа»/«келет»/«коледе». У другого народа – хайдинцев «город» звучит как «толу», у ненцев — «мар», у хантов — «ваш»/«вач» («воч»/«вош»), у коми-пермяков — «кор»/«кар», у манси — «уус».

В фольклоре южносибирских тюрков упоминаются здания «о сорока углах», а также дворцы девяносто- и стогранные, железные изгороди и даже железные города.

Так, в шорском героическом эпосе упоминается «черный город», огороженный железным забором и непременно с железными воротами: «Внутри черного города, вокруг земли раскинувшегося, девяносто кузнецов куют». В преданиях селькупов умершие «отправлялись» через море мертвых, за которым находился город мертвых — «латтырыль кэтты».

Героические легенды и сказания коренных народов, населяющих интересующую нас территорию, можно рассматривать как неоспоримое доказательство восприятия ими норм оседлой и городской жизни. Обращаясь к хакасскому фольклору, был проведен анализ героической поэмы Каан Перген, сказки Подур Пакен, сказание Аба-Тура.

В героической поэме Каан Перген неоднократно встречается лексема «дворец». Главный герой полумифический Каан Перген и его жена Алтын Арыг живут в золотом дворце, который «словно весенний лёд сияет, как осенний лёд блестит», а «верх его тремя бахрамами украшен». Такое

представление может говорить о развитой архитектуре, вызывающей восхищение у местных жителей, что вошло в легенды, передающихся из поколения в поколение.

В сказке Подур Пакен главные герои «вышли из дворца, перед воротами города», что свидетельствует о весьма четких представлениях устройства города. Также, они «в одной лавке взяли богатую одежду, нарядились под каана», что свидетельствует также о наличии торговых рядов в городах.

Сказание Аба-Тура и вовсе посвящено одноименному городу, который после падения Кучумова царства казаки пошли облагать ясаком.

ГЛАВА 2. СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ УРБАНИЗАЦИИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ И ЮЖНОЙ СИБИРИ

2.0. Вводные замечания

Изучение городской культуры среди кочевых этносов закономерно сталкивается с рядом специфических проблем и вопросов. В частности к ним можно отнести проблематику определения «города» в целом, характеристику и специфику городских поселений, их сходства и различия с городами «оседлых культур».

При изучении городской жизни кочевых культур, мы неизбежно сталкиваемся с центральными проблемами урбанизации через призму феномена – городов кочевников. Это, во-первых, проблема самого понятия — «город» и определение признаков по которым исследователи данного вопроса наделяют то или иное поселение статусом - «город».

Во-вторых, возникает интерес к проблеме изучения причин возникновения «городов», а также феномена изменения быта кочевников и предпосылок к смене организации их общественной жизни.

Параметры для идентификации «города» зависят от подхода к определению учитывая специфику различных направлений и дисциплин. Существует традиционный подход к определению «города», который выделяет: функциональное назначение, хозяйственный профиль, административное назначение города и тому подобное.

Историческая наука идентифицирует «город» по роду его изначальных функций, таких как: военная, административная, торгово-ремесленная, культурная.

Далеко не каждое поселение имеет признаки города и отвечает всем критериям термина «город», если исходить из критериев городской урбанизации в рамках археологической науки.

Термин «Urban revolution», то есть процесс трансформации маленьких

поселений аграрных обществ в большие социально-сложные городские пространства, был представлен австралийским археологом Виром Гордоно Чайлдом только в 1930 году [Чайлд 2012]. В своей одноименной работе он выделил десять критериев древней цивилизации.

Сам по себе термин «цивилизация», как и археологические признаки цивилизации — неоднозначны и противоречивы.

Один из исследователей данного вопроса, К. Ренфрю [Renfrew 1972] выделяет ряд универсальных, часто встречаемых признаков, которые могут быть зафиксированы археологами:

- социальное расслоение;
- развитие ремесленного производства;
- город;
- письменность;
- строительство культовых сооружений.

Отечественная наука выделяет признаки «города» в древних цивилизациях также с помощью выявления их основных критериев, то есть город определялся критериями цивилизации. Например, В.М. Массон в своей работе «Первые цивилизации» [Массон 2003] выделяет «триаду» таких критериев:

1. Монументальная архитектура, как показатель производственного потенциала общества.
2. Письменность, как уровень развития социальной и экономической систем.
3. Город, как показатель развития цивилизации.

Интересно, что автор выделяет развитие письменности в древних цивилизациях - как причину отделения умственного труда от физического и как основную причину увеличения информационного потока в обществе. Далее, это привело к усложнению социальной системы и поднятию качества жизни.

Исследование памятников Южной Сибири отражает основные этапы

анализа и обобщения информации об исследовании древних населенных пунктов, имеющих признаки городских структур, что дает возможность оценить степень изученности памятников, а также обратить внимание на специфичность источников, включенных в базы данных.

Большой интерес вызывает типология М. Смита [Смит], который предлагает использовать при анализе различных обществ серию археологических признаков, которая и позволит классифицировать города на «религиозно-ритуальные», «экономические» и «политико-административные».

К ним относятся площадь и плотность населения, наличие резиденции правителя, храмы и административные здания, рынки и магазины, импортные товары, усыпальницы правителей и элиты, социальное ранжирование в материальной культуре, фортификацию, ворота, стены, улицы, кварталы, публичные места, осевые планировки и прочее.

Широкое распространение городской культуры было развернуто в эпоху Уйгурского каганата (VIII—IX вв.). Древние уйгуры жившие в Центральной Азии построили на Орхоне и Селенге такие города как Орду-балык, Хатун-балык, Байбалык и др. Начатое еще при кагане Моюнчуре в 750—752 гг. масштабное строительство новых городов, крепостей и укреплений в виде длинных глинобитных стен в бассейне Верхнего Енисея продолжалось и после завершения уйгурско-хакасской войны 758 г.

В VIII в. в средневековом хакасском государстве, расположенном в бассейне среднего течения р. Енисей, к северу от Саянского хребта, возникают крупные городские центры. Сооружаются монументальные архитектурные сооружения: храмовые, дворцовые и административные здания. Они исследованы раскопками в 1971—1981 гг., а поиски других продолжаются и по сей день. Большое значение имел центральный столичный город, расположенный в дельте р. Уйбат.

Непосредственное влияние на городскую культуру Южной Сибири и Срединной Азии несомненно оказал Шелковый путь. Его взлет относится к

XIII-XIV вв., когда монголы покорили почти весь евразийский континент и смогли жестко контролировать всю трассу.

Закат Великого шелкового пути связан с развитием торгового мореплавания в XIV-XV вв. вдоль побережий Ближнего Востока, Южной и Юго-восточной Азии. Переход каравана из Даду (Пекина) до Азовского моря длился около 300 дней и стал значительно опаснее после распада монгольских империй. В то же время морской путь из Персидского залива до китайских портов занимал порядка 150 дней, а один крупный торговый корабль теперь мог перевести грузов столько, сколько караван в одну тысячу вьючных животных [Лучкова, Задвернюк].

Процессы урбанизации в улусах бывшей Монгольской империи оказались еще и частично прерванными в результате таких событий середины XIV в. – как восстание в Китае против монголов, начало эпидемии чумы и Великой Замятни в Золотой Орде, что и стало фактической причиной прекращения функционирования Великого шелкового пути, приведя к угасанию оседлой культуры фактически по всей его трассе и ее ответвлениям. В свою очередь, это оказалось значительным препятствием и в распространении мировых религий.

Определенное виденье проблематики урбанизации Средней Азии и Южной Сибири выделяют исследователи-практики – Л.Р. Кызласов, впервые предложивший выделить саяно-алтайский очаг цивилизации; Н.Н. Крадин, разработавший и систематизировавший данные о специфике государственности номадов; В.Л. Егоров, выделивший особенности градостроительства на территориях Золотой Орды в XIII-XIV вв.; и Е.И. Кычанов, представляющий степные города как часть оседлого мира, принесённого в мир кочевой.

2.1. Концепция Л.Р. Кызласова

Одной из самых значимых фигур в истории изучения Сибири и

Центральной Азии, без всякого сомнения, является Леонид Романович Кызласов, автор более 300 научных работ, из которых 15 монографий и 14 книг в соавторстве с другими видными учеными деятелями. Благодаря его научным и полевым работам мы имеем более объективную и сформированную точку зрения на древнюю и средневековую городскую цивилизацию к востоку от Урала, в то время как ряд других исследователей до сих пор видят культуры Сибири и Центральной Азии как сугубо кочевые в противопоставление «городским» китайским и европейским. По мнению Кызласова, изучение истории Сибири в дореволюционное время начиналось только со времен присоединения к русским землям, и еще Г.Ф. Миллер сформировал концепцию сибирских народов как «неисторических» [Миллер], и даже для такого выдающегося деятеля как П.А. Словцов, история Сибири до падения Кучумова царства, находится в «пелене забвения» [Словцов].

Этот устойчивый паттерн в историографии нарушил В.И. Огородников в 1920 году, но по-настоящему миф о «неисторических» сибирских народах развеют такие выдающиеся археологи как С.А. Теплоухов, В.П. Левашова, А.Н. Окладникова, М.П. Грязнов и многие другие, включая и самого Л.Р. Кызласова.

Наряду с академиком Н.И. Конрадом³⁴ Кызласов с полной уверенностью выделяет в период Средневековья восточноазиатский (китайский) очаг городской цивилизации вместе со среднеазиатским (гуннским). Но помимо этих государственных центров, исследователь идет еще дальше и выделяет третий, не менее важный в историческом и культурном значении – саяно-алтайский городской очаг цивилизации. Именно он по мнению Леонида Романовича стал «срединным звеном» между множественными связями цивилизаций и культур Запада и Востока, распространяя своё влияние на южные скотоводческие племена наряду со лесостепными и тундровыми, вплоть до побережья Северного Ледовитого океана. И это вполне справедливое утверждение, ведь как показывают археологические исследования, еще в эпоху бронзы и раннего железного века, население

Сибири ничуть не уступало в технологическом, социальном и экономическом развитии от европейских регионов, уступая лишь цивилизациям Древнего Востока. А уже в средневековый период начинается по-настоящему мощный рост городов-крепостей по всей Сибири, как у оленеводов севера и кочевников Восточной Сибири, так и у металлургов Южной Сибири.

Процессы урбанизации, которые захватили территорию от побережья Северного Ледовитого океана до Центральной Азии, охватывают значительную часть Евразийского континента и проходят целую цепочку превращений на пути развития. Изначальные моноэтнические протогорода сменяются к рубежу нашей эры городами-крепостями, возникновение которых напрямую связано с хозяйственным освоением территорий и уже на смену этому этапу приходят средневековые городские поселения вроде Суяба (Ак-Бешима). В средние века, во времена Тюркского каганата в Южной Сибири и Азии присутствовали города и городская культура. Позже, в эпоху Уйгурского каганата городская культура приобретет повсеместное распространение. Более того, она ознаменуется созданием монументальных сооружений, требующих значительных человеческих ресурсов и времени для создания оборонного контура северной границы.

За это время происходит интернационализация городской культуры, что выражалось в архитектуре, религиозных постройках и международной торговле через Великий Шелковый путь.

Крахом очага цивилизации древнехакасского государства Л.Р. Кызласов считает XIII-XIV вв., который произошел после войны с древнемонгольскими полчищами.

Красной нитью сквозь многие работы Леонида Романовича Кызласова проходит мысль и надежда на то, что устоявшееся мнение о землях к востоку от Урала как о территориях, населенных кочевниками, для которых городская культура это явление исключительно чуждое, будет сменено под парадигмой всех дальнейших исследований и накопленных знаний в данной области.

2.2. Особенности развития градостроительства в условиях седентаризации: города Золотой Орды XIII-XIV вв. в концепция В.Л. Егорова

Изучение истории кочевых народов, их государственных образований позволило создать обобщающие труды, которые раскрывают исторические закономерности развития степной культуры. С.А. Плетнева вывела три общих направления по изучению кочевников [Плетнева]: анализ политической истории на базе письменных источников; рассмотрение быта, экономики и культуры на этнографических материалах; использование археологического и лингвистического материала. Однако, В.Л. Егоров выделяет и четвертое – историко-географическое [Егоров]. По его мнению, данный подход дает возможность увидеть представление о географии кочевых государств и союзов в более отчетливом свете, появляется четкость государственных территорий и внутренней структуры.

Он также отмечает, что появление городов у монголов в XIII-XIV вв. имело вполне определенные экономические и политические причины. Число городов и их распределение по всей территории государства являются важными факторами определения степени оседлости, административно-политического устройства и экономики.

По мнению В.Л. Егорова, анализируя особенности градостроительства на территориях Золотой Орды в XIII-XIV вв. можно увидеть следующую хронологическую картину:

1. Использование и восстановление городских поселений, которые существовали задолго до прихода монголов – 40-е годы XIII в.
2. Новое городское строительство на степных территориях при хане Бату – начало 50-х годов XIII в.
3. Расцвет градостроительства во время правления хана Берке – середина 50-х по 60-е года XIII в.
4. Замедление роста новых городов и развития старых – 70-е годы XIII в.

по второе десятилетие XIV в.

5. Новый толчок городского строительства во время правления ханов Узбека и Джанибека – с 20-х по 60-е года XIV в.

6. Градостроительство приходит в упадок и постепенно затухает – 60-е года XIV в. до 1395 г.

Рассматривая эти периоды по отдельности, можно увидеть, что каждый из них имеет свою линию политического и экономического развития Золотой Орды на конкретных этапах ее истории как конкурентоспособного государства. Первоначальная стадия появления новых городских поселений носила исключительно политическую специфику упорядочения внутренней административной системы государственного образования. Так, рассматривая экономическое и политическое устройство Золотой Орды, Хайдаров отмечает, что возникновение новых степных городов было стремлением ханской власти полностью контролировать территории Дешт-и-Кыпчака [Хайдаров]. Стоит отметить, что хоть оседлая жизнь на этих территориях и была развита слабо, весьма нередко в степях можно было встретить мавзолеи, сложенных из кирпича или подтесанных камней. Основной проблемой была и остается недостаточная археологическая изученность при наличии большого количества сведений о сохранившихся остатках городских поселений на этих территориях (Мавлибердинское городище, Байтакское городище, городище Тагатай).

По мнению А.А. Казанцева и В.М. Сергеева [Казанцев, Сергеев], если рассматривать ханские города в типологизации Броделя и Валлерстайна, то их можно отнести к категории «квазиворота». Хотя новые монгольские города и были близки к европейским городам-«воротам», и в чем-то могли даже опережать их в экономическом плане, однако развиваться ордынские города могли лишь как перевалочные пункты и только при помощи сильной центральной власти. Точно не известно существовала ли определенная планировка застройки этих городов, однако прослеживается весьма четко ориентированное расселение на Великий шелковый путь. Возможно, именно

это позволило местным правителям обезопасить торговлю и обеспечить стабильное развитие для государственной торговли.

В.Л. Егоров отмечает, что имеются определенные трудности с хронологическим определением географии городов Золотой Орды [Егоров, 2010]. По всей видимости, именно введение мусульманства в период правления хана Берке оказало значительное влияние на градостроительную политику монголов. Многие города обретают «восточный облик», застраиваются монументальными религиозными зданиями (мечети, минареты и т.д.) ремесленниками из различных поработанных стран.

Новый виток городского строительства происходит во время правления ханов Узбека и Джанибека. При них значительно увеличились территории городов и появились новые городские поселения. Из них, пожалуй, можно выделить самый крупный – Сарай ал-Джедид, впоследствии ставший столицей. В дальнейшем наблюдается спад градостроительства и затухание городской жизни. Отмечается что жизнь подавляющего большинства монгольских городов угасла во времена завоеваний Тимура.

В.Л. Егоров подчеркивает, что к середине XIV в. города для степей Золотой Орды не являлись чем-то исключительным, а также опровергает распространенную точку зрения о несовместимости городской культуры с кочевой [Егоров, 2010]. Напротив, по его мнению, именно союз степной и городской культуры породил тот особенный экономический потенциал, который способствовал сохранению государственной мощи Золотой Орды. Города являлись проводниками общегосударственных устремлений во всех обширных частях страны.

Градостроительство кочевых народов Центральной Азии представляется весьма перспективным направлением исследования. Основным сдерживающим фактором является недостаточная археологическая изученность городских поселений на данных территориях, однако даже имеющийся материал представляет широкое поле для изучения.

2.3. Исследования Н.Н. Крадина по средневековым урбанистическим структурам Дальнего Востока

Н.Н. Крадин [Крадин] поднимает проблематику определения городских поселений по археологическим данным. В качестве наиболее перспективных направлений он выделяет сравнительные исследования и создание теорий «среднего уровня» по М. Смитю. Согласно этой концепции существуют определенные археологические признаки, по которым можно анализировать различные общества. Среди них он выделяет площадь и плотность населения, наличие резиденции правителя, храмы и административные здания, рынки и магазины, импортные товары, усыпальницы правителей и элиты, социальное ранжирование в материальной культуре, фортификацию, ворота, стены, улицы, кварталы, публичные места, осевые планировки и прочее. Используя такой подход, исследователь анализирует археологические памятники Дальнего Востока России и сопредельных территорий в эпоху Средневековья с VII по XIV вв. В данную выборку попали городища культуры мохэ (Борисовское, Новоселищенское), государства Бохай (Горбатка, Краскино, Дунзинчэн), киданьской империи Ляо (Эмгентийн-хэрэм, Чинтолгой-Балгас), чжурчжэнской империи Цзинь (Ананьевское, Шайгинское), Монгольской империи и династии Юань (Хирхириновское, Кондуйский дворец), так как они существовали на смежной территории и хронологически сменяя друг друга.

Исследование Крадина показало, что по мере развития исторического процесса, происходит кумулятивный рост показателей и усложнение общества в целом. Важными факторами отличия догосударственных поселений от раннегосударственных Крадин считает размер поселений, наличие улиц и дорог (что может отражать силу центральной власти), а также импортные товары. В рассмотренных государствах отсутствовали самостоятельные институты городского самоуправления, так как города были продуктом центральной власти и всецело зависели от нее. Также, было установлено наличие крестьянских посадок вокруг городов, что подтверждает по мнению

Крадина тезис о том, что в доиндустриальных обществах города всегда тесно связаны с земледелием. Отмечается самобытная фортификация чжурчжэньских городов и их сложная планиграфия: запретные города, редуты, квартальное деление и прочее.

Руководствуясь полученными результатами, Крадин показывает преимущество данной типологии и настаивает на более комплексном изучении признаков города, особенно если мы имеем дело с городами отличными от европейской культуры.

Ссылаясь на монографию Я.Е. Пискаревой, истоками возникновения городской культуры дальневосточного региона являются городища культуры мохэ [Пискарева], а настоящие города появляются во время возникновения государства Бохай. Во многих городищах того периода (Краскинское, Горбатка, Кокшаровское-1) прослеживается четкая планиграфия и следование канонам танской и бохайской культуры. Еще до возникновения империи Ляо кидани заимствуют из Бохая систему административного устройства городов, однако сама архитектура и градостроительные элементы будут иметь свои собственные отличительные черты. Крадин считает, что кидани «перезаформатировали представления о городском пространстве» и внесли в городскую среду много пустого пространства, что возможно могло напоминать им о степном образе жизни. Также, в таких городах возникали и кочевые ставки, в частности, известно, что императорский двор династии Ляо являлся мобильным и перемещался в зависимости от сезонных перекочевок. Имела значение и пространственная сегрегация внутри городов киданей, отделялась кварталами элита от простолюдинов, а также иные этносы имели свои этнические кварталы. Крадин также считает, что большую роль в развитии городов киданей сыграло земледельческое и ремесленное население, которое состояло в основном из пленных (или беглых) китайцев, а также переселенных бохайцев. Именно благодаря им произошел рост посадов – кварталов торговцев и ремесленников возле крепостей и цитаделей киданьских городов.

Особняком исследователь ставит проблему слабой изученности этногенеза и памятников чжурчжэней, отмечая, что их численность была в 10 раз выше, чем подданных империи Ляо, а города были значительно разнообразнее и больше по количеству. Чжурчжэни также, как и кидани заимствуют системы пяти столиц от бохайцев, и в их городах прослеживается определенная преемственность от культуры киданей.

Особый вектор развития урбанизации возникает в эпоху глобализации монголов. В самой Монгольской империи выделяют три типа городов: столичные мегаполисы (Каракорум, Шанду, Дадун), административные центры (Аврага, Хирхир) и усадебные комплексы (Алестуй).

Крадин отмечает важность рассмотрения развития дальневосточного средневекового города в рамках общеисторических тенденций. Вместе с тем, в связи с определенными культурологическими отличиями от средневековых городов Европы, исследователь поднимает проблему применения существующих типологий к дальневосточным средневековым городам. Основной типологией, применяемой русскоязычными исследователями (Воробьев, Шавкунов, Болдин, Дьякова), является деление городов на «равнинные» и «горные». Большое внимание Крадин уделяет и типологии М.Смита [Смит], который предлагает использовать при анализе различных обществ серию археологических признаков, которая и позволит классифицировать города на «религиозно-ритуальные», «экономические» и «политико-административные».

2.4. Города в кочевых государствах: концепция Е.И. Кычанова

В своем труде «Кочевые государства от гуннов до маньчжуров» Е.И. Кычанов [Кычанов] рассматривает становление ранней государственности у соседних с Китаем народов с рубежа нашей эры до XVIII века н.э., исследуя при этом китайские летописи, китайскую и советскую историография. Кычанов подчеркивает появление термина «подвижное государство (син го) у

Сыма Цяня и термина «государство-кочевья» (го ло) [В.С. Таскин]. Значительный акцент исследователь делает и на мнении Г.Е. Маркова о двух состояниях кочевых обществ - «общинно-кочевом» и «военно-кочевом», где в последнем состоянии государственность является «эфемерной» и не имеет экономической базы. Также, с ним тесно связано и мнение С.А Плетневой, которая в свою очередь делит состояние кочевых обществ на 3 стадии: «дикий образ жизни», появление зимовок и летовок, переход к оседлости. Однако, по мнению Кычанова последняя теория не согласуется со сведениями Константина Багрянородного о печенегах в XI-XII вв. Поддерживает автор и точку зрения И.Я Златкина [Златкин], о том, что с III в. до н.э. до XIII в. все кочевники постепенно перешли от первобытнообщинного строя к феодальному.

Кычанов подчеркивает, что связь с подъемом и упадком степных городов, в первую очередь связано с политической властью. Города, возникающие в государствах кочевников, являлись в первую очередь административными центрами, а города на границе между кочевыми и оседлыми территориями становились центрами торговли. По мнению Л.Л. Викторовой, И. Эрдейна, Г.А. Федорова-Давыдова, города монголов и остальных кочевников, были неспособны пережить пошатнувшуюся политическую власть и только из-за этого потеряли своё значение. Степные города были частями оседлого мира, принесёнными в мир кочевой. Приводится также важный тезис, что все кочевники и полукочевники строили города. Можно предположить, что такие города имели черты соседних оседлых культур, однако на примере раннемоногольских городов можно увидеть помимо общих черт с китайской культурой свою местную, самобытную. Кычанов выделяет сословно-классовое расслоение как основную форму организации кочевого общества, а также подчеркивает, что «чистых» кочевых по всей видимости не существовало, так как по данным С.А. Плетневой и А.Н. Бернштама земледелием занимались либо обедневшие кочевники, либо чужеземцы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Характерные особенности урбанизации Южной Сибири и севера
Центральной Азии

Изучение и выявление сведений о городах Южной Сибири и Срединной Азии позволяет убедиться в существовании определенных урбанизационных процессов, существовавших в период Средневековья на этих территориях. Много свидетельств об этом осталось в наследии коренных народов как населявших ранее, так и населяющих данные территории сейчас. И конечно же основной массив данных мы можем получить преимущественно из археологических раскопок для того, чтобы, выделить характерные особенности урбанизации Южной Сибири и севера Центральной Азии.

Археологические данные из вышеупомянутых территорий, а конкретнее Тувы, Хакасии, Киргизии, Монголии, которые демонстрируют развитие новых форм и особенностей градостроительства, начинают привлекать внимание исследователей только с конца XIX века, ограничиваясь до этого лишь редкой научной заинтересованностью у заезжих путешественников.

Накопленные и сформированные знания у исследователей благодаря открытиям новых археологических памятников позволяют археологам и историкам в середине XX века совершить новые открытия. В частности, раскопки городищ уйгуров, хакасов, киданей и монголов помогают выделить особенности технологии и методики строительства монументальных сооружений, определить территориальные и культурные влияния на архитектуру. Для аргументации своих выводов исследователи привлекают письменные источники, помогающие подтвердить или опровергнуть, а также дополнить имеющиеся выводы. И на основе этих выводов мы можем говорить о явном распределении функций городищ и дроблении территории, что в конечном итоге привело к образованию новых городских поселений, выполнявших определенные функции: экономические, военные и административные.

В первую очередь стоит отметить градостроительные особенности каганата уйгуров, который возник на развалинах государства тюрков, во многом унаследовав их культурные традиции. В отличие от тюрков, памятники оседлости которых пока не известны, у уйгуров наблюдается строительство оседлых поселений и городов, в которых сосредотачивались административные учреждения и разворачивалась хозяйственная жизнь. Столичные города уйгуров, расположенные на Орхоне, были крупными культурными центрами, а также местом караванной торговли.

Материал, полученный при археологических раскопках, демонстрирует тесную связь с архитектурой династий Тан в Китае и Уйгурского каганата. Заимствование китайской архитектуры и городского планирования началось задолго до формирования каганата и продолжилось после даже после его существования. При этом, основной культурный трансфер происходил в ходе дипломатических и социально-экономических контактов.

Материал, полученный исследователями на археологических раскопках, демонстрирует явное согдийское влияние и заимствование. Как пример можно привести строительный материал Манихейских храмов, где основная составляющая это глиняный и сырцовый кирпич. По наблюдениям Л. Р. Кызласова [Кызласов Л. Р., 1979], размеры таких кирпичей соответствуют аналогичным в сырцовых сооружениях Восточной и Центральной Средней Азии. Известно, что в Среднюю Азию в время эпохи тюркских каганатов проникает значительное количество населения из регионов Центральной Азии. А уже после распада тюркских каганатов, на территории некогда подвластной им, появляются крупные кочевые объединения: тюргеши, кимаки, кипчаки, карлуки. К подобным образованиям можно в целом отнести и уйгурский каганат. Вполне вероятно, что у населения бывшего ранее в подданстве тюрков оставались какие-то связи, объединявшие население Средней и Центральной Азии, в результате чего, при строительстве уйгурских крепостей в Туве использовались те самые кирпичи, выполненные по среднеазиатской технологии. Другими заимствованными элементами можно

назвать платформы по типу подиумов, пандусы вместо лестниц, расположение входов, как и в уйгурских городищах - в восточной стене, а также двойные двери и колонны из дерева.

Касательно фортификационных сооружений, расположенных в Туве, Хакасии и Алтае, можно увидеть их определенную самобытность. В Хакасии оборонительные крепости размещались так, что с одной крепости была видна другая. Расположение крепостей подчинялось определенной системе. Эти укрепления могли устанавливать связь в видимой доступности между берегами Енисея. Вполне вероятно, что такое размещение обеспечивало и хорошее наблюдение за конкретной долиной, и возможность получения сигналов из ближайших мест для дальнейшей передачи сообщений.

О определенную самобытность монументальной архитектуры, письменности, искусства и государственного устройства можно отметить в результате археологических раскопок на территориях бывшего древнехакасского государства, выявилась этнографическая и культурная ориентация этого государства в целом — не на Китай, а на Запад. Несмотря на изобилие вокруг строительного леса городская архитектура была в основном не древесно-каркасная, как например в Китае, а монолитная, где основным материалом для строительства был сырцовый кирпич, а строительные приемы схожи со среднеазиатскими. Схожими были и горны для обжига глиняной посуды. Но особо нужно подчеркнуть развитую раннесредневековую систему земледелия, основанную на разветвленной сети искусственного орошения.

Стоит упомянуть и киданьских поселениях в Центральной Азии. Сами кидани появляются там в связи с началом широкой экспансии против соседних народов и государств. В источниках есть упоминания о существовавшей у киданей традиции возведения неких оседлых поселений в догосударственный период [Ивлиев 1983, с. 129]. Однако реальный расцвет киданьское градостроительство переживает в эпоху империи Ляо. Города киданей существовали как в местах их исконного обитания, в бассейне р. Шара-мурэн, так и во вновь покоренных землях Северного Китая, а в Центральной Азии

вплоть до Восточного Туркестана, где возникло государство Западное Ляо.

Отдельно можно выделить строительство стационарных поселений и городов в эпоху Монгольской империи, созданной Чингисханом и его преемниками. В это время граничившие с Центральной Азией страны, такие, как созданная чжурчженями империя Цзинь и тангутское государство Си Ся, строили в пограничных зонах города с целью предохранения своих западных границ от вторжений кочевых монгольских племен построили ряд крепостей.

Массовым строительным материалом, встречающимся при раскопках монгольских городов, были также центральноазиатские кирпичи. Сравнивая кирпичи из раскопок в Монголии, Туве, Забайкалье, можно констатировать большое сходство во внешней характеристике этого вида строительного материала.

В целом, рассмотренные данные по городам эпохи монгольской империи свидетельствуют о формировании на территории центральноазиатских степей в позднем средневековье своеобразной городской культуры. Материалы из раскопок доказывают существование многообразия городских застроек. На территории обследованных городов находились дворцовые постройки, принадлежавшие чингисидам – представителям правящей династии, степной аристократии, выдвинувшейся в ходе войн Темуджина в борьбе за власть над монгольскими племенами. Аристократия второй волны, появившаяся в процессе завоевательных походов Чингисхана против соседних стран и за боевые заслуги получившая земельные наделы и различные привилегии, в основном, оседала в завоеванных землях. Однако часть из них отстраивала дворцы в коренных землях, на территории Центральной Азии. Эти дворцовые сооружения знати и окружавшие их административные здания служили своеобразным магнитом: вокруг них оседали ремесленники, земледельцы, различные промысловики, торговцы. Одной из особенностей монгольских городов было отсутствие мощных укреплений. Даже в столице государства Каракоруме городские стены носили чисто формальный характер и выполняли полицейские и таможенные функции.

Подводя итог, можно констатировать следующее: рассмотренная нами средневековая городская культура Южной Сибири и Срединной Азии не была однородной, и это вполне закономерно, учитывая размеры этих территорий и многообразие исторических событий затронувшие этот регион. Можно выделить три основных группы:

1 — уйгурские города — имеют свои собственные уникальные культурные черты, с доминирующим китайским фактором и значительным согдийским влиянием

2 — Города хакасского государства – оригинальная городская культура, для которой характерно согдийское влияние, однако во многом тяготеющее к западной модели городских и цивилизационных факторов

3 — Киданьские города – заимствована Бохайская система административного устройства городов, однако сама архитектура и градостроительные элементы имеют свои собственные отличительные черты

4 — Города эпохи монгольской империи – вобрали в себя черты всех предыдущих групп, унаследовав их в ходе завоевания этих территорий, создав при этом абсолютно уникальную городскую культуру в заложенных новых городах.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Источники

1. Ибн Хордадбех. Книга путей и стран / Пер. с арабского, коммент., исслед., указатели и карты Наили Велихановой. — Баку: "Элм", 1986. — 428 с.
2. Духовная Шория. Шорский фольклор в записях и из архива профессора Чудоякова А.И. Кемерово: ИПП «Кузбасс», 2008. 352 с.
3. Катанов Н.Ф. Образцы народной литературы тюркских племен. - СПб., 1907. - с. 10-11; 289-290
4. Кызласов, И.Л. Отчет о полевых исследованиях на территории Республики Алтай Саяно-Алтайской экспедиции Министерства образования и науки Республики Хакасия в 2001 году. Москва. 2002. Архив ИА РАН.
5. Кызласов, И.Л. Рунические письменности евразийских степей. / Ин-т археологии РАН. - М.: Восточная литература, 1994. — 327 с.
6. Малов, С.Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии / С.Е. Малов. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 1959. 112 с.
7. Миллер Г.Ф.
8. Патканов С.К. Стародавняя жизнь остяков и их богатыри по былинам и сказаниям // Живая старина. Вып. 3-4. 1891
9. Поло М. Книга Марко Поло. – М.: Мысль, 1997.
10. Путешествия к татарам. Собрание путешествий к татарам и другим восточным народам в XIII, XIV и XV столетиях. СПб., 1825.
11. Радлов, В.В. Сибирские древности: из путевых записок по Сибири. СПб., 1896. 70 с.
12. Радлов В.В. Образцы народной литературы тюркскихъ племень. - СПб., 1866. - Ч. I.
13. Рашид-ад-дин. Сборник летописей. Т.1, кн.1. М.; Л., 1952.
14. Рашид-ад-дин. Сборник летописей. Т.1, кн.2. М.; Л., 1952

15. Рашид-ад-дин. Сборник летописей. Т.2, М.; Л., 1960
16. Ремезов, С.У. Чертежная книга Сибири: составленная тобольским сыном боярским С. Ремезовым в 1701 г.: в 2 т. / С. У. Ремезов. Москва: ПКО Картография.2007. 48 с.
17. Чудояков А.И. Кемеровское книжное издательство, 1989
18. Чудояков А.И. Шорские сказки, легенды
19. Чудояков А.И. Девять бубнов шамана. Шорские легенды и предания. Кемерово: Кемеровское книжное издательство. 1989. 145 с.
20. Чэнь Чэнцзюнь. Памятники культуры династий Цинь и Хань / Чэнь Чэнцзюнь, Ван Юнхун; [пер. с кит. Чжуан Лицин]. М.: Изд.-полиграф. центр Восток-Бук. 2014. 331 с.
21. Элерт, А.Х. Народы Сибири в трудах Г.Ф. Миллера. Новосибирск: Ин-т археологии и этнографии СО РАН. 1999. 239 с.
22. Ядринцев, Н.М. Древние памятники и письмена в Сибири. - СПб: Типография И.Н. Скороходова. 1885. 21 с.

Литература

Монографии

1. Байпаков К.М. Средневековые города Казахстана на Великом Шелковом пути. Алматы: 1993
2. Байпаков К.М. Средневековые города и поселения северо-восточного Жетысу. Алматы: 2005, 188 с.
3. Бартольд, В.В. Киргизы: (исторический очерк) / В.В. Бартольд. Фрунзе: Кирг. гос. изд-во. 1927. 57 с.
4. Данилов, С.В. Города в кочевых обществах Центральной Азии. Улан-Удэ: Бурятского НИЦ СО РАН. 2004. 202 с.
5. Дашковский, П.К. Кыргызы на Алтае в контексте этнокультурных процессов в Центральной Азии. Барнаул: АлтГУ. 2015. 224 с.
6. Древнемонгольские города / С.В. Киселев, Л.А. Евтюхова, Л.Р. Кызласов и др. М.: Наука. 1965. 372 с.

7. Егоров В. Л. Историческая география Золотой Орды в XIII-XIV вв. М.: КРАСАНД, 2010. 245 с.
8. Крадин, Н.Н. Кочевые империи Евразии: особенности исторической динамики / отв. ред. Б.В. Базаров, Н.Н. Крадин. М.: Наука. 2019. 503 с.
9. Кумекон Б.Е. Государство кимаков IX-XI вв. по арабским источникам. Алма-Ата, 1972
10. Кумекон Б.Е. Страна кимаков по карте ал-Идриси // Страны и народы Востока. Вып.10., М., 1971
11. Кызласов, Л.Р. Городская цивилизация Средней и Северной Азии. Исторические и археологические исследования. М.: Восточная литература РАН. 2006. 360 с.
12. Кызласов Л. Р. Очерки по истории Сибири и Центральной Азии: Монография. Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1992.— 224 с.
13. Кызласов Л.Р. История Южной Сибири в средние века. Учеб. Пособие для студ. вузов. М.: Высш. шк., 1984. 167 с.
14. Кызласов, Л.Р. История Тувы в средние века. М.: Мос. Гос.ун-та. 1969. 212 с.
15. Кычанов, Е.И. Кочевые государства от гуннов до маньчжуров.
16. Массон, В.М. Первые цивилизации и всемирная история / В.М. Массон: учеб. пособ. Кишинёв: «Высшая Антропологическая Школа». 2005. 159 с.
17. Плетнева, С.А. Кочевники Средневековья. Поиски исторических закономерностей. М.: Наука. 1982. 188 с.
18. Плетнева, С.А. Кочевники южнорусских степей в эпоху средневековья (IV-XIII века). Воронеж: Изд-во Воронеж.гос.ун-та. 2003. 248 с. 13.
19. Сергеев В. М., Казанцев А. А. Сетевая динамика глобализации и типология «глобальных ворот» // Полис. 2007. No 2. с. 18-30
20. Степи Евразии в эпоху средневековья / Отв. ред. С.А. Плетнева; авт. А.К. Амброз, В.Б. Ковалевская, И.Л. Кызласов и др. М.: Наука. 1981. 302 с.

21. Пэрлээ Х. К истории древних городов и поселений Монголии // СА. – 1957. – № 3. – С. 43–53.
22. Пэрлээ Х. Киданьские города и поселения на территории МНР (X в. – начало XII в.) // Монгольский археологический сборник. – М., 1962.
23. Тиваненко А.В. Древние святилища Восточной Сибири в эпоху раннего средневековья. Новосибирск: ВО «Наука». 1994. 150 с.
24. Худяков, Ю.С. Кыргызы на Енисее: учеб. пособие / Ю.С. Худяков. Новосибирск: НГУ. 1986. 79 с.
25. Чайлд, Г. Расцвет и падение древних цивилизаций. [пер. с англ. What Happened in History] М.: ЗАО «Центрполиграф». 2012. 384 с.
26. Шавкунов Э. В. Обследование гуннских городищ в Монголии // Археологические открытия 1972 г. – М., 1973. – С. 506–507.
27. Amanbaeva B., Yamauchi K. Ak-Beshim (Suyab). Japan-Kyrgyz Joint Archaeological Expedition Reports Volume 3 The national academy of Sciences of the Kyrgyz Republic. 2021. 207 p.
28. Renfrew, A.C. The Emergence of Civilisation: The Cyclades and the Aegean in The Third Millennium BC. London: Methuen. 1972. 650 p
29. Steinhardt N. Chinese Imperial City Planning. Honolulu, 1990. 228 p.

Статьи

1. Ганбат, Н. Археологические исследования фортификации северной цитадели городища Бийбулаг (средневековый Уйгурский город Байбалык): предварительные итоги / Н. Ганбат, А.Г. Ситдииков, И.Л. Измайлов, С. Улзийбаяр, Б. Батсурэн, А.В. Беляев, Б. Очир // Археология Евразийский степей. №6. 2020. С. 179-192.
2. Данилов, С.В. Бажын-Алаак и Малгаш-Бажын: городища древнеуйгурского периода на западе Тувы (по результатам полевых исследований 2011 г.) / С.В., Данилов, Н.В., Именохоев, Д.А., Миягашев, Б.З. Нанзатов, А.И. Симухин, Д.К. Тулуш, Л.С. Эрдэнэболд // Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. 2017.

Выпуск 6. С. 303-310.

3. Данилов, С.В. Строительные традиции кочевников Центральной Азии / С.В. Данилов // Россия и АТР. 2005. С. 108-114.
4. Ивлиев А. Л. Городища киданей // Материалы по древней и средневековой археологии юга Дальнего Востока СССР и смежных территорий. – Владивосток, 1983. – С. 120–133.
5. Киселев, С.В. Древние города Монголии / С.В. Киселев // Советская археология. М., 1957. №2. С.91-101.
6. Кляшторный, С.Г. Древние города Монголии / С.Г. Кляшторный // Древние города. Материалы Всесоюзной Конференции. Л. 1977. С. 64-65.
7. Крадин Н.Н., Никитин Ю.Г. Некоторые результаты изучения средневековых памятников Уссурийска // Археология и социокультурная антропология Дальнего Востока и сопредельных территорий. Благовещенск, 2003. с. 349-359
8. Кызласов, И.Л. Курганы средневековых хакасов XIII-XIV вв.: эскиз культуры в монг. время / И.Л. Кызласов // СА.1978. № 1. С. 122-141.
9. Кызласов, И.Л. Эскизские курганы на горе Самохвал (Хакасия) / И.Л. Кызласов // Средневековые древности евразийских степей. – М., 1980. – С. 135-164.
10. Кызласов, И.Л. Манихейские храмы на Среднем Енисее. В кн. Религии Казахстана и Центральной Азии на Великом шелковом пути. Алматы. 2017. С. 119-131.
11. Кызласов, И.Л. Опыт Л.Р. Кызласова в отыскании и изучении городов Средней Азии / И.Л. Кызласов // Ада Чиу-Суу – Отечество. Абакан. 2011. С.71-88.
12. Кызласов Л. Р. О литературе и фольклоре средневековых хакасов//Вестник Московского университета, серия IX. Москва: Издательство Московского университета. 1965 г. с. 79-84
13. Кызласов Л.Р. Средневековые города Тувы / Л.Р. Кызласов Советская

археология №3 Академия наук СССР. 1959 г.

14. Кызласов, Л.Р. Два акбешимских сюжета / Л.Р. Кызласов // РА. 2008. No2. С. 40-48.
15. Кызласов, Л.Р. Культура древних уйгур (VIII-IX вв.) / Л.Р. Кызласов // Степи Евразии в эпоху Средневековья. Серия: Археология СССР. М.: 1981. С. 52-54.
16. Кызласов, Л.Р. Манихейский храм в котловине Сорга (Республика Хакасия) / Л.Р. Кызласов // Российская археология. No2. 1999. С. 181-204.
17. Кызласов Л. Р. О понятии «город» в древности и средневековье // Вестник МГУ, серия 8, история. – 1991. – No 4. – С. 43–48.
18. Минерт, Л.К. Древнейшие памятники монгольского монументального зодчества. / Л.К. Минерт // Древние культуры Монголии. Новосибирск 1985. С. 184-209.
19. Пэрлээ Х. К истории древних городов и поселений Монголии / Х. Пэрлээ // Советская археология. М. 1957, No 3.С. 43-53.
20. Ткачев, В.Н. К реконструкции дворца Угэдэя в Каракоруме / В.Н. Ткачев // Известия вузов. Строительство и архитектура. М., 1984, No8.
21. Тулуш, Д.К. Средневековые городища-крепости Тувы / Т.К. Тулуш // Вестник КемГУ. 2011. No2 (46). С.39-44.
22. Тулуш, Д.К. Фортификационные сооружения Тувы в контексте истории центральноазиатского региона / Д.К. Тулуш // Ойкумена. 2016. No4. С. 107-113.
23. Хайдаров Т.Ф. Города и дороги государства Шибанидов // История, Экономика и Культура средневековых тюрко- татарских государств Западной Сибири. Курган, 2017. с. 36-40
24. Шульга, П.И. Городища Нижний Чепош-3 и 4 / П.И. Шульга, А.А. Тишкин, В.И. Соенов // Известия АлтГУ. 2010. С. 249-253.
25. Щетенко, А.Я. Раскопки средневекового городища Бажын-Алаак / А.Я. Щетенко // Древние культуры евразийских степей (по материалам

археологических работ на новостройках). Л.: 1983. С. 45-47.

26. Gunchinsuren, B. The Archaeology of Mongolia's Early States / B. Gunchinsuren // Handbook of East and Southeast Asian Archaeology. 2017. P. 707- 732.

ПРИЛОЖЕНИЕ

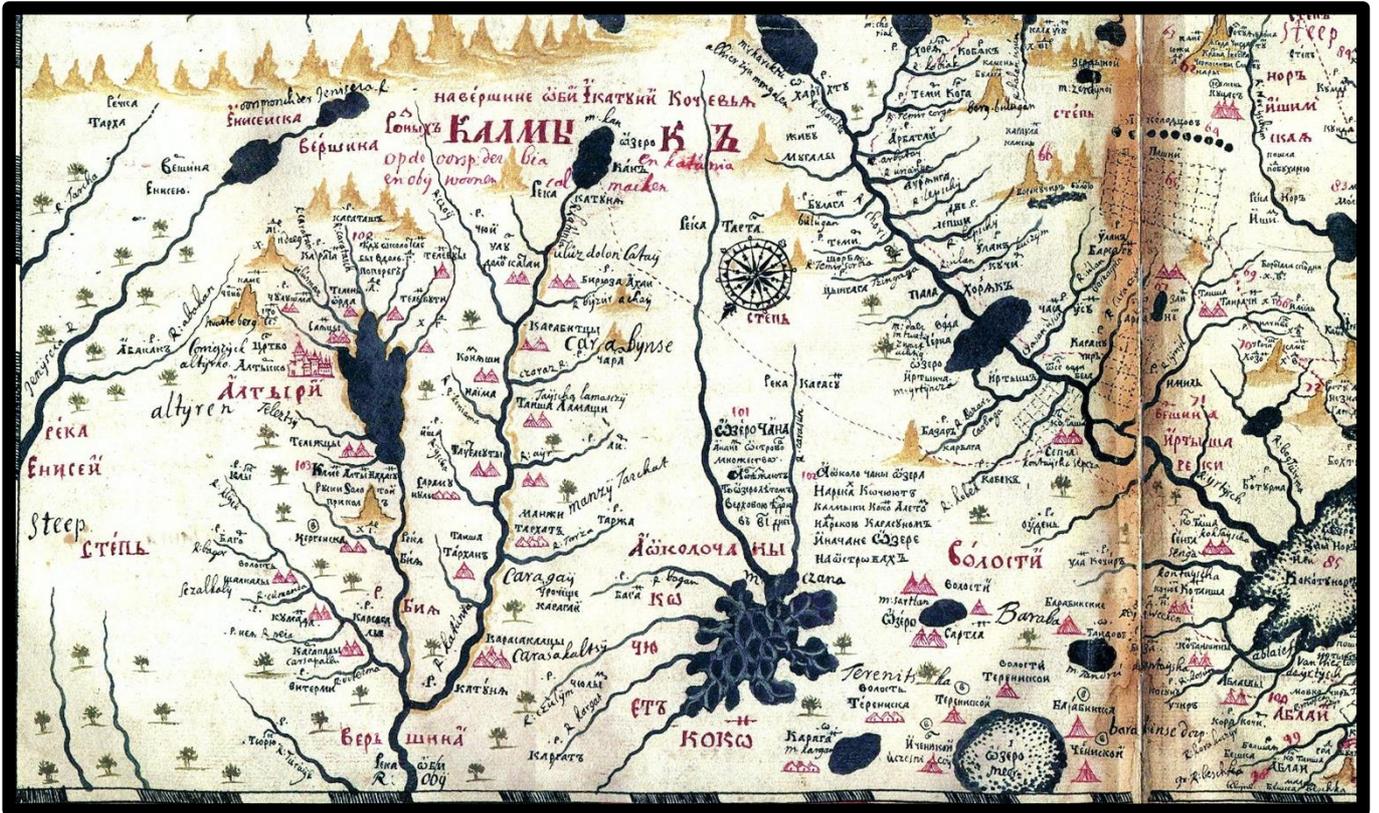

Рис 1 «Чертеж земли всей безводной и малопроездной каменной степи» С.У.

Ремезова